

«Детское чтение для сердца и разума».
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

9

2021 (267)

6+

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Багратион — брат Наполеона?

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Маленькие человечки

Андрей Платонов
Неизвестный цветок

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

С. Иванов. Царское село. Фрагмент, XIX век

Василий Комаровский
Сентябрь

Внезапной бурей растрёпана рябина
И шорохом аллей.
Вчерашнего дождя осыпались рубины
На изморозь полей.

И снова солнечный, холодный и приятный,
И день, и блеск садов.
И лёгкой зелени серебряные пятна
В прозрачности прудов.

Морского воздуха далёкое дыханье
Как ранняя весна.
Глав позолоченных весёлое сверканье.
Безлюдье. Тишина.

Пусть это только день, и час, или мгновенье.
Пусть это день один,
И в тонком воздухе я чую дуновенье,
И холод первых льдин.

Но солнце катится, и сердце благодарно,
В короткие часы,
За жёлтый мёд листвы, и полдень светозарный,
И ясный звон косы.

Церера светлая сегодня отдала мне
И запахи смолы,
Все эти серые и розовые камни,
И мокрые стволы.

Царское Село, 1912

В. Поленов
Золотая осень
1893 г.

В номере:

3

Андрей Платонов
Неизвестный цветок

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Художник и писатель: Владимир Сутеев

23

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
Сергей Ив. Иванов
Багратион — брат Наполеона?

26

РАССКАЗЫ
Наталья Бондаренко
Дружба сквозь бинокль

28

БУХТИНЫ
Владимир Волков
Музыкальные ребята

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Братья Гримм
Маленькие человечки

33

ИМЕНА
Сергей Миронов
Как я научился плавать

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Петрова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «**Роспечать**»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«**Пресса России**»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«**Почта России**»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68349 от 30.12.2016 г.

Подписано в печать 27.08.2021

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

125284, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 1500 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5034-2021

© «Роман-газета», 2021 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Художник Н. Буканова

Андрей Платонов

Неизвестный цветок

Никита

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну, и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всем дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы он не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты

умный теперь, а тут всё добро наше, в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет...

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пещий пришёл через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы.

Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скуч-

но. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек: днём он спал, а ночью выходил наружу и ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь, — приподнявшись на ногах, сказал Ни-

кита в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо молоть, тебе трудодень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся набок, либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, а он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стежки. У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придёт с войны, всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель.

— Я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живет! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к

нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живешь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем.

Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные; они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце. «Здесь ещё великан живет и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там? — И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетневую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они приползут ночью в избу и ужалят мать во сне, и мать умрет.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пенёк. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пенёк молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пенёк крякнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно была. В избе стало теперь жарко: Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по чёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был.

Банька была старая и омшелая вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь живет себе, вон у ней голова есть, — это не труба, а голова, — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошел во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом: значит, петух этот — тоже человек,

только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием.

— А я думал, ты правда — цвет! — сказал Никита. — А дай, я посмотрю что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка и увидел в нем молоко.

— Ты маленький ребенок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита.

Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита. Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живёте? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди и слышно было, как они карябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи сарая. Он обер-

нулся к избе. Изба смотрела на него, как прохожая старая тётка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутевые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой? — попросил Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай; он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой.

Никита издали робко посмотрел на пень в огороде. Сумрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, не моргающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвались пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха: ноги его стали теперь как чужие и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застило свет, и солнце теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить.

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвёл от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом устал и сел в тени овина на околице.

Никита сел ненадолго, он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь на вечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита

пошел было далее в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее, и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушел на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришел, Никитушка, — сказала мать и утёрла передником слезы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет, — произнес отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришел. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не карябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая — где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но нынче он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже не пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал раздавливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-голова не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец повёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер, — сказал отец. — Это ты хочешь всех сделать живыми, у тебя сердце доброе. Для тебя, поди, и камень живой и на луна покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка! — сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвозди.

Никита с охотой, как большой, начал работать, молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот — добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

— Давай, сынок, — согласился отец. — Давай, добрый Кит.

Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя «добрый Кит». Отец верил, что сын родился у него добрый и останется таким на весь свой долгий век.

Цветок на земле

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе, на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся. А тебе ещё мало времени, тебе без трёх первый десяток идёт.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь — ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали, мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть он живёт от-

дельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели

равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать посадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало жить на свете. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нету, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — отвечал дедушка Тит с печи.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю...

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

— А? — произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни! Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи. Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка! — сказал Афоня.

А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда сам Афоня спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало... Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось, кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу. Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевою дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голу-бого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что

самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня, — тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего ж тебе надо, раз ты непонятливый?.. А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь...

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем... А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднимающие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл спать в избу на печку.

Умная внучка

Жили старик со старухой, и с ними внучка Дуня жила. И не такая уж Дуня была красивая, как в сказках называется, только умная она была и охотная к домашней работе.

Вот раз собираются старики на базар в большое село и думают: как им быть? Кто им щи сварит и кашу сготовит, кто корову напоит и подоит, кто курам проса даст и на насест их загонит?

А Дуня им говорит:

— Кто ж, как не я! Я и щи сварю и кашу напарю, я и корову из стада встречу и на ночь её обряжу, я и кур

угомоню, я и в избе приберу, я и сено поворошу, пока ведро стоит во дворе.

— Да ты мала ещё, внученька, — говорит ей бабушка, — семь годов всего сроку тебе!

— Семь — не два, бабушка, семь — это много. Я управлюсь!

Уехали дедушка с бабушкой на базар, а к вечеру воротились. Видят они, и правда: в избе прибрано, пища сготовлена, на дворе порядок, скотина и птица сытые, сено просушено, плетень починен (дедушка-то два лета собирался его починить), вокруг колодезного сруба песком посыпано — наработано столько, что словно тут четверо было.

Глядят старик со старухой на свою внучку и думают: жить им теперь да радоваться!

Однако недолго пришлось бабушке радоваться на внучку: заболела бабушка и померла. Остался старик один с Дуней. Трудно было дедушке одному остаться на старости лет. Вот живут они одни, без бабушки. Дуня убажывает дедушку и всякую работу в хозяйстве справляет одна; хоть мала была, да ведь прилежна.

Случилось дедушке в город поехать, надобность пришла. По дороге он нагнал богатого соседа, тот тоже в город ехал. Поехали они вместе.

Ехали-ехали, и ночь наступила. Богатый сосед и бедный Дунин дедушка увидели огонек в придорожной избе и постучались в ворота. Стали они на ночлег, распрягли лошадей; у Дуниного дедушки-то была кобыла, а у богатого мужика — мерин.

Ночью дедушкина лошадь родила жеребенка, а жеребёнок несмышленный, отвалился он от матери и очутился под телегой того богатого мужика.

Проснулся утром богатый.

— Гляди-ко, сосед, — говорит он старику, — у меня мерин жеребёнка ночью родил!

— Как можно! — дедушка говорит. — В камень просо не сеют, а мерин жеребят не рождает! Это моя кобыла принесла.

А богатый сосед:

— Нет, — говорит, — это мой жеребёнок! Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок-то и был бы возле неё! А то ишь где — под моей телегой!

Заспорили они, а спору конца нету: у бедного правда, а у богатого выгода, один другому не уступает.

Приехали они в город. В том городе в те времена царь жил. А царь тот был самый богатый человек во всем царстве, он считал себя самым умным человеком и любил судить рядить своих подданных.

Вот пришли богатый и бедный к царю-судье. Дунин дедушка и жалуется царю:

— Не отдаёт мне богатый жеребёнка, говорит-де жеребёнка мерин родил!

А царю-судье, что за дело до правды: он и так и этак мог рассудить, да ему сперва потешиться захотелось.

И он сказал:

— Вот четыре загадки вам — кто решит, тот и жеребёнка получит: «Что всего на свете сильней и быстрее?», «А что всего на свете жирней?», а ещё «Что всего мягче и что всего милее?».

Дал им царь сроку три дня, а на четвёртый день чтоб ответ был.

А пока суд да дело, царь велел оставить у себя во дворе и дедушкину лошадь с жеребёнком и телегой и мерина богатого мужика: пусть и бедный и богатый пешими живут, пока их царь не рассудит.

Пошли богатый и бедный домой. Богатый думает: пустое, дескать, царь загадал, я отгадку знаю. А бедный горюет: не знает он отгадки.

Дуня встретила дедушку и спрашивает:

— О ком ты, дедушка, скучаешь? О бабушке? Так ведь я с тобой осталась!

Рассказал дедушка внучке, как дело было, и заплакал: жалко ему же ребёнка.

— А ещё, — дедушка говорит, — царь загадки загадал, а я отгадки не знаю. Где уж мне их отгадать!

— А скажи, дедушка, каковы загадки? Не умнее они ума.

Дедушка сказал загадки. Дуня послушала и говорит в ответ:

— Поедешь к царю и скажешь: сильнее и быстрее всего на свете ветер; жирнее всего — земля: что ни растёт на ней, что ни живёт — всех она питает; а мягче всего на свете руки, дедушка: на что человек ни ляжет, все руки под голову кладет; а милее сна ничего на свете не бывает, дедушка.

Через три дня пришли к царю-судье Дунин дедушка и его богатый сосед.

Богатый и говорит царю:

— Хоть и мудрые твои загадки, государь наш судья, а я их сразу отгадал: сильнее и быстрее всего — так это кобыла из вашей конюшни: коли кнутом её ударить, так она зайца догонит. А жирнее всего — так это тоже ваш рябой боров: он такой жирный стал, что давно на ноги не поднимается. А мягче всего ваша пуховая перина, на которой вы почиваете. А милее всего ваш сынок Никитушка!

Послушал царь-судья — и к старику бедняку:

— А ты что скажешь? Принёс отгадку или нет?

Старик и отвечает, как внучка его научила. Отвечает, а сам боится: должно быть, не так он отгадывает; должно быть, богатый сосед правильно сказал.

Царь-судья выслушал и спрашивает:

— Сам ты придумал ответ иль научил тебя кто?

Старик правду говорит:

— Да где ж мне самому-то, царь-судья! Внучка у меня есть, таково смышленная да умелая, она и научила меня.

Царю любопытно стало, да и забавно, а делать ему все равно нечего.

— Коли умна твоя внучка, — говорит царь-судья, — и на дело умелая, отнеси ей вот эту ниточку шёлковую. Пусть она соткет мне полотенце узорчатое, и чтоб к утру готово было. Слыхал иль нет?

— Слышу, слышу! — отвечает дедушка царю. — Аль я уж бестолковый такой!

Спрятал он ниточку за пазуху и пошёл домой. Идет, а сам робеет: где уж тут из одной нитки целое полотенце соткать — того и Дунюшка не сумеет... Да к утру, ещё и с узорами!

Выслушала Дуня своего деда и говорит:

— Не кручинься, дедушка, это не беда ещё!

Взяла она веник, отломала от него прутик, подала дедушке и сказала:

— Пойди к царю-судье этому и скажи ему: пусть найдет он такого мастера, который сделает из этого прутика кросны¹, чтобы было мне на чем полотенце ткать.

Пошел старик опять к царю. Идет, а сам другой беды ждет, другой задачи, на которую и ума у Дунюшки не хватит.

Так оно и вышло.

Дал царь старику полтора ста яиц и велел, чтобы старикинская внучка к завтрашнему дню полтора ста цыплят вывела.

¹ Кросны — ткацкий станок

Вернулся дед ко двору.

— Одна беда не ушла, — говорит, — другая явилась.

И рассказал он внучке новую царскую задачу.

А Дуня ему в ответ:

— И это ещё не беда, дедушка!

Взяла она яйца, испекла их и к ужину подала.

На другой день говорит:

— Ступай, дедушка, сызнова к царю. Скажи ему, чтобы прислал он цыплятам на корм однодневного пшена; пусть в один день поле вспашут, просом засеют, созреть дадут, а потом сожнут да обмолят, провеют и обрушат. Скажи царю: цыплята другого пшена не клюют, того гляди помрут.

И пошел дед сызнова. Выслушал его царь-судья и говорит:

— Хитра твоя внучка, да и я не прост. Пусть твоя внучка явится утром ко мне — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, да и не без подарочка!

Пошёл дед домой. «Эка прихоть!» — думает.

Как узнала Дуня новую загадку, то загорюнилась было, а потом повеселела и говорит:

— Ступай, дедушка, в лес к охотникам да купи мне живого зайца и перепёлку живую... Ан нет, ты не ходи, ты старый, ты уморился ходить, ты отдыхай. Я сама пойду — я маленькая, мне охотники и даром дадут зайца и перепёлку, а покупать их нам не на что.

Отправилась Дунюшка в лес и принесла оттуда зайца да перепёлку. А как наступило утро, сняла с себя Дуня рубаху, надела рыбацкую сеть, взяла в руки перепёлку, села верхом на зайца и поехала к царю-судье.

Царь как увидел её, удивился и испугался:

— Откуда страшилище едет такое? Прежде не видано было такого урода!

А Дунюшка поклонилась царю и говорит:

— Вот тебе, батюшка, принимай, что принести велено было!

И подает ему перепёлку. Протянул руку царь-судья, а перепёлка — порх! — и улетела.

Поглядел царь на Дуню.

— Ни в чем, — говорит, — не отступила: как я велел, так ты и приехала. А чем вы, — спрашивает, — кормитесь с дедом?

Дуня отвечает царю:

— А мой дедушка на сухом берегу рыбу ловит, он сетей в воду не ставит. А я подолом рыбу домой ношу да уху в горсти варю!

Царь-судья осердился:

— Что ты говоришь, глупая! Где это рыба на сухом берегу живет? Где уху в горстях варят?

А Дуня против ему говорит:

— А ты-то ль умён? Где это видно, чтобы мерин жеребёнка родил? А в твоём царстве и мерин рождает!

Озадачился тут царь-судья:

— А как узнать было, чей жеребёнок? Может, чужой забежал!

Осерчала Дунюшка.

— Как узнать? — говорит. — Да тут бы и дурень рассудил, а ты царь! Пусть мой дедушка на своей лошади в одну сторону поедет, а богатый сосед — в другую. Куда побежит жеребёнок, там и мать его.

Царь-судья удивился:

— А ведь и правда! Как же я-то не рассудил, не догадался?

— А коли бы ты по правде судил, — ответила Дуня, — тебе бы и богатым не быть.

— Ах ты, язва! — сказал царь. — Что дале из тебя выйдет, когда ты большая вырастешь?

— А ты рассуди сперва, чей жеребёнок, тогда я и скажу тебе, кем я большая буду!

Царь-судья назначил тут суд на неделе. Пришли на царский двор Дунина дедушка и сосед их богатый. Царь велел вывести их лошадей с телегами. Сел Дунина дедушка в свою телегу, а богатый в свою; и поехали они в разные стороны. Царь и выпустил тогда жеребёнка, а жеребёнок

побежал к своей матери, дедушкиной лошади. Тут и суд весь. Остался жеребёнок у дедушки.

А царь-судья спрашивает у Дуни:

— Скажи теперь, кем же ты большая будешь?

— Судьёю буду.

Царь засмеялся:

— Зачем тебе судьёю быть? Судья-то ведь я!

— Тебя чтоб судить.

Дедушка видит — плохо дело, как бы царь-судья не рассерчал. Схватил он внучку — да в телегу её. Погнал он лошадь, а жеребёнок рядом бежит.

Царь выпустил им вслед злого пса, чтоб он разорвал внучку и деда. А Дунин дедушка хоть и стар был, да сноровист и внучку в обиду никому не давал. Пёс догнал телегу, кинулся было, а дед его кнутовищем, кнутовищем, а потом взял запасную важку-оглобелку, что в телеге ле-

жала, да оглобелкой его — пёс и свалился.

А дедушка обнял внучку.

— Никому, никому, — говорит, — я тебя не отдам: ни псу, ни царю. Расти большая, умница моя.

Неизвестный цветок

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мёртвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — и в чёрную влажную землю, и на голый каменный пу-

стырь. В чёрной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали. А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впились ими в камень и в глину и стало расти. Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок всё жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принёс ветер с чёрной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла чёрные земляные пылинки, что принёс ветер, и разъедала мёртвую глину. Днём цветок сторожил ветер,

а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться из одних пылинок, что выпали из ветра, и ещё собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев. Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него силы жить и расти. Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Все же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напитаться полной силой и стать зелёными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Это случалось оттого, что цветку не доставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть. В середине лета цветок распустил венчик сверху. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнем, и его видно было даже в тёмную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою. И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит

Художник и писатель

Владимир СУТЕЕВ

Владимир Григорьевич Сутеев — известный детский художник и писатель. Он родился 5 июля 1903 года в Москве в семье врача. Отец любил рисовать и передал своё увлечение сыну. Владимир с юных лет публиковался как художник-иллюстратор в журналах «Пионер», «Мурзилка», газете «Пионерская Правда». В 1924 году Сутеев поступил на факультет Государственного техникума кинематографии.

На студии «Союзмультфильм» Сутеев написал около 40 сценариев, в том числе для мультфильмов «Муха-Цокотуха», «Волшебный магазин», «Кораблик», «Кто сказал мяу?» и многих других.

Владимир Григорьевич иллюстрировал книги К. Чуковского, С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, Дж. Родари, других известных детских писателей.

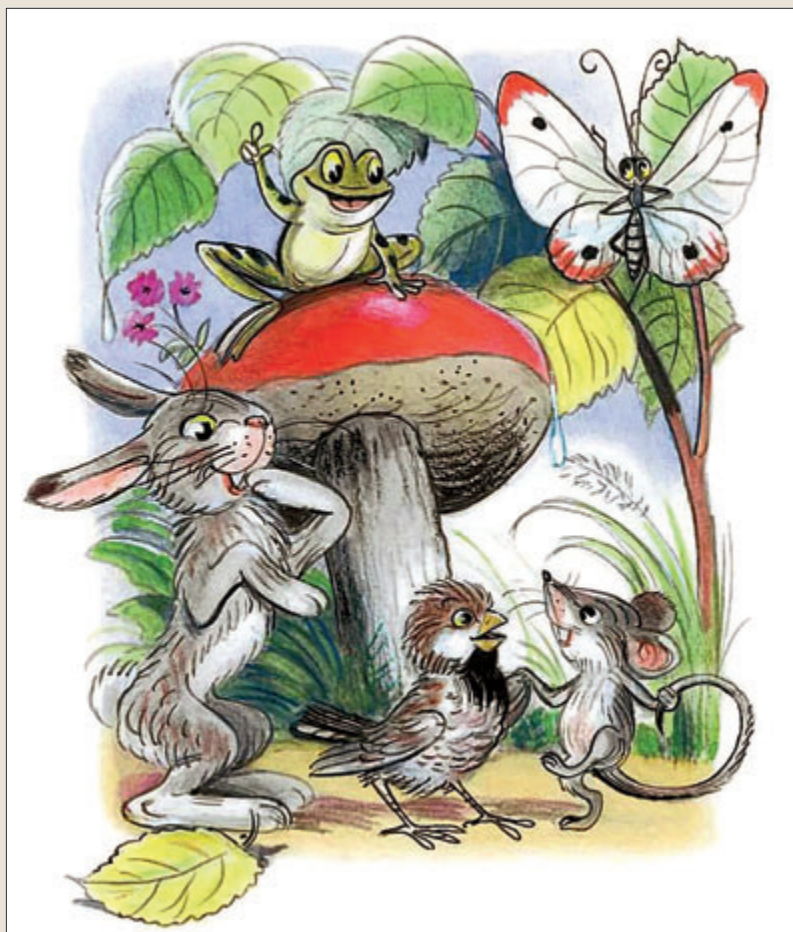
Сказки писателя хорошо известны детям СССР и России. Сутеев создал множество сказок в картинках, они отличаются живым языком и остроумием, простотой и душевностью. Увлекательные и яркие картинки следуют по сюжету одна за другой, как в мультфильме.

Перед читателями забавные и трогательные зайцы, смешные лягушки, трудолюбивые муравьи и божи коровки, озорные котята, жёлтые цыплята и колючие ёжики.

Все персонажи, нарисованные талантливым художником, настолько одушевлённые, что при рассматривании картинок погружаешься в мир автора-художника и радуешься, удивляешься, с интересом наблюдаешь за тем, как герои сказок строят кораблик, прячутся под грибом от дождя, грустят и веселятся.

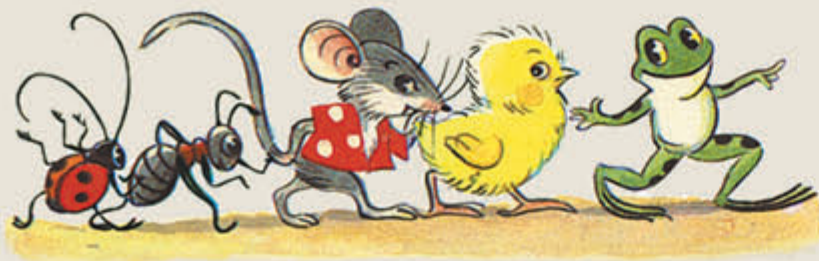
Сутеевские образы зверят и жучков — живые и характерные, они радуют, учат любви и дружбе, красоте, искренности, добру и справедливости.

Сказка «Под грибом»

КОРАБЛИК

Пошли гулять Лягушонок, Цыплёнок, Мышонок, Муравей и Жучок.

Пришли на речку.
— Давайте купаться! —
сказал Лягушонок и прыгнул в воду.

— Мы не умеем плавать, — сказали Цыплёнок, Мышонок, Муравей и Жучок.

— Ква-ха-ха! Ква-ха-ха! — засмеялся Лягушонок. — Куда же вы идёте! — И так стал хохотать — чуть было не захлебнулся.

Обиделись Цыплёнок, Мышонок, Муравей и Жучок.

Стали думать. Думали-думали и придумали.

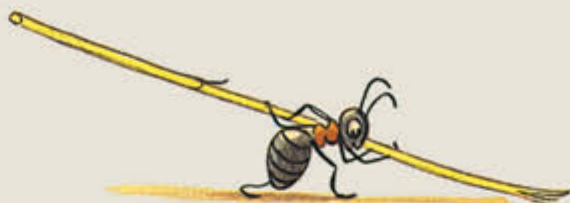

Пошёл Цыплёнок и принёс листочек.

Мышонок — ореховую скорлупку.

Муравей соломинку притащил.

А Жучок — верёвочку.

И пошла работа: в скорлупку соломинку воткнули, листок верёвочкой привязали — и построили кораблик!

Столкнули кораблик в воду. Сели на него и поплыли!

Лягушонок голову из воды высунул, хотел ещё посмеяться, а кораблик уже далеко уплыл... И не догонишь!

Сказка «Яблоко»

Сказка «Мешок яблок»

Сказка «Три котёнка»

мать скорее, чем она. На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шёл с пустыря и приносил отсюда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, её давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который всё грустил по своей матери — розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть. «Может, это цветок скучает там по своей матери, как я» — подумала Даша. Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда ещё не видела такого цветка — ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

— Отчего ты такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

— А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

— Оттого, что мне трудно, — ответил цветок.

— А как тебя зовут? — спросила Даша.

— Меня никто не зовёт, — сказал маленький цветок, — я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина! — сказала она. — Как же ты один живёшь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но ещё задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала: — Слышите, как хорошо пахнет. Это он так дышит. Пионе-

ры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мёртвую глину. Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнёт, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали. А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его. Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика. Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и ещё прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца, потому что он жил в камне. Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет её к себе безмолвным голосом своего благоухания.

Андрей Платонов (настоящее имя Андрей Платонович Климентов) (1899–1951) — русский советский писатель, прозаик, один из наиболее самобытных по стилю русских литераторов первой половины XX века.

Андрей родился 28 (16) августа 1899 года в Воронеже, в семье железнодорожного слесаря Платона Фирсовича Климентова. Однако традиционно его день рождения принято отмечать 1 сентября.

Андрей Климентов учился в церковно-приходской школе, затем в городском училище. В возрасте 15 лет начал работать: семья Климентовых жила впроголодь.

До 1917 года он сменил несколько профессий: был подсобным рабочим, литейщиком, слесарем, о чём написал в ранних рассказах «Очередной» (1918) и «Сергея и я» (1921).

Участвовал в Гражданской войне в качестве фронтового корреспондента. С 1918 года он публиковал свои произведения, сотрудничая с несколькими газетами как поэт, публицист и критик. В 1920 годах сменил свою фамилию с Климентов на Платонов (псевдоним образован от имени отца писателя), а также вступил в РКП(б), но уже через год по собственному желанию вышел из партии.

В 1921 году вышла его первая публицистическая книга «Электрификация», а в 1922 — книга стихов «Голубая глубина». В 1924 году он оканчивает политехникум и начинает работать мелиоратором и электротехником.

В 1926 году Платонов был отозван на работу в Москву в Наркомзем. Был направлен на инженерно-административную работу в Тамбов. В том же году были написаны «Епифанские шлюзы», «Эфирный тракт», «Го-

Андрей Платонов

род Градов», принёсшие ему известность. Платонов переехал в Москву, став профессиональным литератором.

Постепенно отношение Платонова к революционным преобразованиям меняется до их неприятия. В 1929 году получил резко отрицательную оценку А. М. Горького и был запрещён к печати роман Платонова «Чевенгур». В 1931 году опубликованное произведение «Впрок» вызвало резкое осуждение А. А. Фадеева и И. В. Сталина. После этого Платонова практически перестают печатать. Повести «Котлован», «Ювенильное море», роман «Чевенгур» смогли увидеть свет только в конце 1980-х годов и получили мировое признание.

В 1931–1935 годах Андрей Платонов работает инженером в Наркомате тяжёлой промышленности, но продолжает писать.

В 1936–1941 годах Платонов выступает в печати в основном в качестве литературного критика. В 1937 году была издана его повесть «Река Потудань». В мае этого же года арестован его 15-летний сын Платон. Вернулся из заключения Платон осенью 1940 года неизлечимо боль-

ным туберкулёзом. В январе 1943 года он умер.

С началом Великой Отечественной войны писатель с семьёй эвакуируется в Уфу, где выходит сборник его военных рассказов «Под небесами Родины». В 1942 году он добровольцем уходит на фронт рядовым, но вскоре становится военным журналистом, фронтовым корреспондентом «Красной звезды». Несмотря на заболевание туберкулёзом Платонов не оставляет службу вплоть до 1946 года. В это время в печати появляются его военные рассказы: «Броня», «Одухотворённые люди» (1942), «Смерти нет!» (1943), «Афродита» (1944), «В сторону заката солнца» (1945) и др. За напечатанный в конце 1946 года рассказ Платонова «Возвращение» писатель подвергся новым нападкам критики и был обвинён в клевете на советский строй. После этого возможность печатать свои произведения была для Платонова закрыта.

В конце 1940-х годов, лишённый возможности зарабатывать на жизнь сочинительством, Платонов занимается литературной обработкой русских и башкирских сказок, которые печатаются в детских журналах.

Платонов умер 5 января 1951 года в Москве от туберкулёза, которым заразился, ухаживая за сыном.

В 1954 году была издана его книга «Волшебное кольцо и другие сказки». С хрущёвской «оттепелью» начали издаваться другие его книги — со значительными цензурными ограничениями.

Некоторые произведения Андрея Платонова были обнаружены только в 1990-е годы (например, написанный в 30-е годы роман «Счастливая Москва»).

Багратион — брат Наполеона?

Сергей
Ив. Иванов

П. И. Багратион

Корсика

Наполеон

Герой войны 1812 года русский генерал Багратион и его опасный противник — французский император Наполеон действительно могли приходиться друг другу родственниками, хотя и очень дальними. Они вполне могли иметь общих предков в глубине истории. Примерно 3–4 тысячи лет назад.

Всё дело в их национальности. Генерал Багратион, как известно, происходил из царского грузинского рода. Наполеон, хотя и стал французским императором, родился на острове Корсика, лежащего в Средиземном море между побережьем Италии и Франции. Поэтому многие считают Бонапарта корсиканским итальянцем, тем более, что и имя «Наполеон» похоже на итальянское.

Однако Багратион совершенно точно итальянцем не был, хотя его фамилия и звучна имени грозного противника. Но ведь грузины никогда не жили на Корсике?

Не будем торопиться с выводами. К девятнадцатому веку, и даже много раньше, грузины действительно оказались в этническом и языковом одиночестве, и если бы не вхождение в состав России, может быть, и не сохранились бы, как нация. Однако, по-видимому, так было не всегда. История и лингвистика показывают, что между Корсикой и Грузией была в древности какая-то связь.

Первым и самым ярким свидетельством родства Кавказа со средиземноморским регионом является сходство названий двух разных стран: Иберией называлась в древности Испания, Иберией древние географы называли и Закавказье. Древнее название Грузии сохранилось в быту до наших дней. Даже популярный несколько десятилетий назад грузинский ансамбль назывался «Иверия».

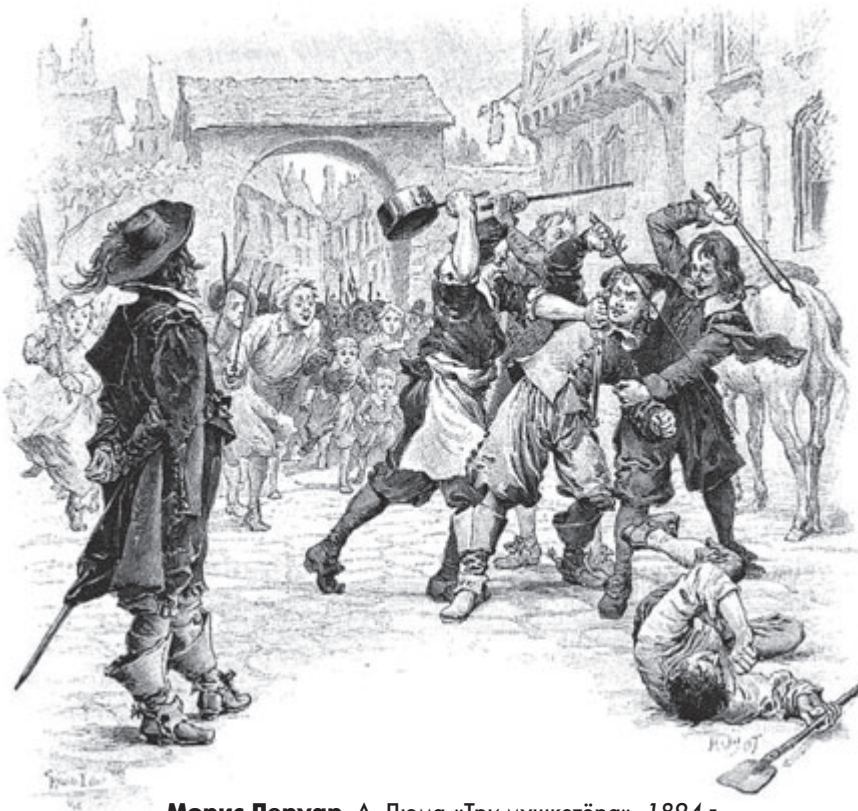
Географы древности различали Иберию Кавказскую

и Иберию Пиренейскую — Испанию, однако называли их одним словом. Может быть, дело в сходстве их географического положения? И та, и другая Иберии отгорожены от остального мира горными цепями (Пиренеями или Кавказом) и морем.

Лингвисты давно уже обнаружили сходство между грузинским языком и языком басков — небольшого народа, живущего в горах на границе Испании и Франции (во Франции баски называются гасконцами, самый знаменитый из которых — Д'Артаньян). Народ небольшой, но его именем назван огромный Бискайский залив (французы

Наскальное изображение на Пиренейском полуострове

Морис Леруар. А. Дюма «Три мушкетёра». 1894 г.

называют его Гасконским), берега которого составляют значительную часть побережья Франции и Испании. Видимо, когда-то баски были более многочисленны и играли более важную роль в жизни окрестных стран.

В языках басков и грузин найдено около 400 общих слов. Многие фамилии басков напоминают грузинские: Эристави, Лолуа, Нодия, Хубулури, Инаури, Очиаури. Встречаются похожие

географические названия: Гали, Лентехи, Хашури, Гори, Месте (в Грузии — Месхетия). Почти одинаково звучат название грузинской реки Арагви и испанской реки Арагоа (а также провинции Арагон). В грузинском языке есть слово «пиренети», что означает «по ту сторону горного хребта». Именно на склонах горного хребта, на Пиренеях, живут баски и гасконцы.

Слово «иберы» одинаково понятно и баскам и грузи-

нам. Оно означает «речной» или «водный» народ.

Действительно, испанцы в Новое время стали знаменитыми мореплавателями. Ими совершенно множество географических открытий, которые историки назвали «Великими». Но судя по всему, иберы умели покорять морскую стихию ещё в античности. Ведь испанские иберы жили не только в Испании, но поселились и на соседних островах, в том числе Сардинии и Корсике. Вот почему вполне может быть, что корни Наполеона Бонапарта восходят к испанским иберам. Это не обязательно, но возможно.

До сих пор во внешности испанцев, корсиканцев и грузин много общего.

В восьмидесятые годы XX века грузинский лингвист-любитель Шота Хведелидзе прочитал древний текст на киберийской табличке», найденной когда-то в Испании недалеко от города Бильбао. Табличку датируют первым тысячелетием до нашей эры. Текст все специалисты признавали нечитаемым, но Хведелидзе обнаружил сходство между древним грузинским

Баски — древнейший народ Европы

Иберийский солдат

Абаски

алфавитом и знаками на табличке. С помощью грузинского языка удалось вдохнуть жизнь в непонятную надпись и прочесть её.

Оказалось, осколок древней хроники повествует о переселении части грузинского народа (кавказских иберов) за море, в чужую страну, которой, судя по всему, и оказалась Испания. Переселение было вызвано какими-то природными катаклизмами. Вот перевод иберийской надписи на русский язык, в сокращении:

«Досталась нам судьба горькая и тяжёлая. Внезапно земля содрогнулась. Такое уже случалось в отчизне иберов. Нашли землю обетованную во времена поднятия трав, решили занять её. Собрались идти в далёкие края. Понравилась земля в стороне захода солнца. Покинули Иберию с надеждой найти пристанище».

Шоте Хведелидзе удалось расшифровать даже даты. По его мнению, переселение иберов с Кавказа произошло примерно 3 с половиной тысячи лет назад, если перевести древние даты на современный календарь.

Однако Хведелидзе не профессиональный лингвист, а в «иберийской табличке» даже после расшифровки остаётся много непонятного. Например, в его переводе часто повторяется слово «Рио». Грузинский исследователь решил, будто так звали руководителя переселения кавказских иберов на запад. В его честь, будто бы, была названа крупная река в Грузии — Риони, а также это слово стало нарицательным для всех испанских рек (в

Иберы

испанском языке «рио» означает просто «река»).

Однако существительное «рио» родственно другим, индоевропейским словам с таким значением — и английскому слову «ривер», и русской «реке». Неужели неизвестный истории царь кавказских иберов передал своё имя всем рекам Европы? Скорее всего, тут какая-то путаница, и перевод Хведелидзе нельзя считать окончательным решением загадки иберийской таблички. Можно только предположить, что в словах «рио» и «киверы» имеется общий корень, который нетрудно обнаружить через сопоставление того и другого слова с английской «рекой» — «ривер». Возможно, «иберы-иверы» — это «риверы», ведь значение обоих вариантов совпадает. Предки грузин действительно издавна селились по речным долинам Закавказья. Но едва ли найдётся какой-то древний народ, который не стремился устроиться в речных долинах: по берегам рек жили и шумеры, и египтяне, и древние китайцы. Почему слово «речник» стало самоназванием именно горных народов?

Неясности остаются не только с этим «рио». Кажет-

ся, естественный патриотизм сузил горизонт исследования Ш. Хведелидзе. Он не заметил, что совсем рядом с его страной (а в те времена даже в одной с Грузией республике) живёт народ, которых в средневековой литературе называли почти так же, как испанских басков — «абаски». Это — коренное население Абхазии. Но абхазы не похожи на грузин ни по языку, ни по исторической судьбе. В то же время сходство Испании и Кавказа этим совпадением только усиливается: и на Кавказе, и в Испании есть иберы (грузины и испанцы), и на Кавказе, и на Пиренеях есть баски (гасконцы, абхазы-абаски). Но если баски родственны абхазам, то почему в языке басков так много соответствий именно с грузинским? Загадка.

И всё же иберийская надпись оказалась тем самым звеном в цепи, связывающим Иберию Кавказскую с Иберией Пиренейской, а Багратиона — с Наполеоном. Она доказывает, что между народами, которые сейчас кажутся совершенно чужими, при внимательном историческом взгляде можно найти много общего.

Дружба сквозь БИН КЛЬ

РАССКАЗЫ

Наталья Бондаренко
Художник А. Мешкова

Есть в нашем дворе пацан, Генка. Тот ещё фрукт! Сейчас расскажу... Такие личности могут и вам повстречаться. Совет даю: держитесь от них подальше.

Лицо у Генки как лицо, простое: нос пером, губы-стрелы... А вот глаза — две острые колючки. Колючки свои Генчик любит прищуривать — для того, видимо, чтобы мы случайно не подглядели в них тёмные мысли — их в Генкиной голове навалом. Недавно я всё ему высказал. Не по поводу внешности и мыслей.

Началось вот с чего...

Как-то Генка плюхнулся между мной и Женькой, другом моим, на скамейку — мы в сквере сидели — и вклинился в наш разговор. В другой раз увязался за нами на рыбалку. Всё бы ничего, мы не против общения с ним... Но дело в том, когда он с нами, обязательно либо я, либо Женька оказывался лишним — для Генки. Когда мы втроём, Генок разговаривал только с одним из нас. Дружбой это не назовёшь. Для меня дружба — святое, без всяких там хитростей. Большая компания не для меня, мне хорошо с моими большими друзьями Женькой и Вадюхой. Им можно доверить и планы свои, и пережива-

ния... Они ни разу меня не подвели. А вот от Генчика так и жди подвоха. Да и компания у него своя — там нормальных людей за людей не считают.

Раз пошли мы втроём — я, Женя и Генок — на рыбалку. На рыбалке ведь что? Про всё на свете забываешь, отвлекаться некогда — на поплавок надо смотреть, иначе поклёвку прозеваешь. А когда с речки возвращались, тут и началось...

Генка — мне:

— Артёх, что будешь делать с рыбой?

— Коту отдам.

— А я засушу, — скривил улыбку Генок. И снова ко мне: — Старик, а давай сгоняем на великах в карьер. Сёдня же. Отдохнём, песочек там что надо...

Он словно забыл про Жеку! Ну и тип... Получалось, мы вдвоём с ним разговариваем, а Женьки будто нет с нами. Его Генка не замечал. Женька для него — пустое место. Женёк всё понимал, и мои попытки втянуть его в разговор на него не действовали. А Генчик делал вид, будто всё нормалёк. Моего друга он открыто не обижал, но невнимание своё подчёркнуто выказывал.

В другой раз Генка заводил разговор с Женькой. А я будто не что иное, как дырка от бублика. Ну просто нет человека! Мне в такой момент хотелось испариться. Женька пытался разрядить обстановку, хотел втянуть меня в разговор, но мне было не до бесед.

И так всегда, когда с нами Генка. То он к Женьке, то ко мне клеится. И что ему надо от нас?.. Плохо ли мы к нему относимся? Как сказать... Ясное дело — не очень.

Говорят, что лучше лишиться человека пицци, чем внимания. Я в это верю...

Что касается нас с Женькой... Мы с ним — не разлей вода. А тут этот прилипчивый тип со своими хитрыми штучками... Генка старше нас, себя считает важной персоной и думает, что всё ему дозволено.

Вчера я не выдержал и рубанул его. Не саблей, а словами. «Слово — сильная вещь, — любит повторять папа. — Главное — уметь словом правильно пользоваться». А ещё папка говорит, что не со слов начинается человек, а с поступка.

Рассказываю. Вчера я взял из дома бинокль — папин, морской. Тут Генка нарисовался возле подъезда и с ходу — ко мне:

— Дай посмотреть! — И — хватить бинокль из моих рук.

Я глазами — хлоп-хлоп, сказать ничего не успел. Вообще-то, я к Женьке направлялся. Мы договорились с ним пойти в парк, понаблюдать за птицами. Об этом я и сообщил Генке. А он, вижу, уже прицеливается к окулярам. То с одного конца в бинокль посмотрит — на увеличение, то с другого — на уменьшение. Глядит и ухмыляется. И козавкой меня называет. Я ему, видите ли, так кажусь в преломлённых лучах. А я жду, когда он в бинокль наиграется. Потом глянул на часы и заторопился: Женька ждёт. Потянул бинокль за ремешок — Генка не отдаёт. Объясняю ему: мне пора. А ему и дела нет до меня.

Забрал я бинокль наконец...

Генка:

— Я с тобой!

Я — ему:

— Ты что — лисий хвост, чтобы за мной тащиться? Пойми, Женька ждёт меня одного. Поэтому отстань. Не будем ссориться. Чао!

И тут Генчик метнул в меня недобрый взгляд, уколол колючками, а потом уставился, прищурившись, как удав на кролика, — он готов был меня заглотить. Вот тогда-то я и не выдержал... Выдал всё, что думал о наших с ним отношениях, которые, я понимал, не доведут до добра. Я всё честно сказал. И о том, что мы с Женькой душа в душу, и о Генкиных бесплодных попытках по-

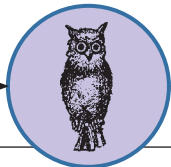
мешать нашей дружбе, что так, как он, друзья не поступают... А если хочет дружить по-настоящему, пусть меняется срочно, бросает эти свои уловки. Сказал ещё, что в дружбе все равны.

Генка презрительно сплюнул сквозь зубы и прошуршал:

— Цыц, цыплёнок! Яйца курицу не учат, малолетка! Ну и катись!

Это он-то курица?.. Скорее — удав. Бли-ин! Теперь всё стало мне ясно как дважды два. Ничего-то он не понял... Это сущая правда.

Не стал я ему отвечать, повернулся и зашагал к другу. Вслед он крикнул что-то обидное. Я обернулся. И посмотрел на него в бинокль — на уменьшение. Через окуляры Генка выглядел мелким и незначительным. Потом я перевернул бинокль и снова приставил к глазам. В этот момент Генчик соорудил рожу. Многократно увеличенная линзами, она была безобразна, просто отвратительна! У меня окончательно спала пелена с глаз. Мне стало неловко, даже стыдно за него. Я отвёл бинокль в сторону и глянул на Генку ещё раз, уже невооружённым глазом, посмотрел с сожалением и грустью.

Музыкальные ребята

Полонез Огинского

Ученик нашего класса Милютин был не похож на всех нас. Он ни с кем не ругался, не дрался и не курил, хорошо учился и всегда был аккуратно одет.

Однажды, не помню почему, я оказался у него в доме. И дом у него был необычный. Он жил в стороне от нашей улицы в деревянном доме с крылечком и узорчатыми наличниками.

В комнате на стенах в золоченых рамах висели портреты каких-то стариков и старушек.

— А это кто? А это?

— Это мой дедушка Ростислав Иванович и бабушка Клавдия Петровна.

В углу комнаты на небольшом столике стояла какая-то штукавина...

— А это что такое?

— Это граммофон. На нём пластинки проигрывали. Ещё до патефона. А наш до сих пор работает. Хочешь послушать? — Он поставил пластинку. — Бабушка часто её слушала. И я с ней.

Когда пластинка кончилась, Милютин спросил:

— Ну как, понравилось? Это же полонез Огинского!

Я показал большой палец и сказал:

— Класс!

Хотя до Огинского с его полонезом мне было, как говорили в нашем дворе, до лампочки.

Не уходи, побудь со мною

Наигравшись во дворе в футбол, я шёл к Витьке из нашего класса списывать домашнее задание.

— Задачку решил?

— Вот она, — и Витька клал на стол тетрадку.

Я сидел и аккуратно списывал. Но списав, не уходил. Вот об этом я, собственно, и хотел рассказать.

Что делал Витька? Он доставал патефон, ставил пластинку и начинал петь, вернее, подпевать певцу с пластинки. Пел он громко и, как настоящий артист, то прижимал руки к сердцу, то тянул ко мне.

Однажды я не выдержал:
— Всё! Хватит. Я пошёл!
— Подожди, я тут по радио услышал один романс. Начало я запомнил. Вот послушай...

И он запел: «Не уходи, побудь со мною...»

Надо же, прямо обо мне, удивился я. И я сел.

Возникает вопрос: почему я терпел витькино пение? А терпел потому, что таким образом расплачивался за списанную задачку. Я думал — не буду слушать Витьку, в следующий раз он не даст списать.

Волшебные звуки скрипки

В нашем дворе был ещё один музыкальный мальчик по прозвищу Дохляк — сутулый, худой, всегда ходящий с опущенной головой. Он был скрипачом.

Однажды мы решили побить его — просто так, от нечего делать. Когда мы подошли к нему, он сразу всё понял, наклонился, прижав к груди скрипку, и тихо сказал: «Меня можете бить, только инструмент не трогайте!»

Кто-то уже замахнулся, чтобы ударить, но тут какой-то дядька крикнул:

— Эй, шпана, брысь от музыканта!

Наш главарь Толик не растерялся.

— А мы его вовсе не трогаем. Мы его это... просим поиграть на скрипочке.

— Поиграть... Ну, это совсем другое дело.

Дохляк слова нашего Толика принял всерьёз: «А что вам сыграть? Может быть, Моцарта?» И он вытащил из чехла скрипку.

Я увидел, как из окон высунулись наши мамыши. Они были удивлены: вместо привычного нашего ора во дворе звучала музыка. Даже прохожие на улице остановились, услышав волшебные звуки скрипки.

Ашишки

Художник Л. Зубарёва

Если бы Герасим не был так сильно закрепошён, то он утопил бы не Муму, а свою барыню.

Хочется сесть на вороного коня, белого как снег.

Кобыла посмотрела на ямщика через плечо и заржала нечеловеческим голосом...

У неё были карие глаза с веснушками на носу.

Раскольников проснулся и сладко потянулся за топором.

Над головой Васнецовой Алёнушки летают ласточки. Они не боятся Алёнушку, она не выстрелит в них из ружья.

У мамы около рта появилась весёлая улыбка.

Его главная цель в жизни — есть добро ближнего.

Когда Дубровский убил медведя, Кирил Петрович не рассердился, а велел содрать с него шкуру.

Мальчик вошёл в комнату, опустил голову, и так стоял — вниз головой.

Заяц втянулся в глаза охотника от испуга.

Глаза вратаря, как и ноги, бегали за мечом.

Маленькие

Жил на свете сапожник. Денег у него совсем не было. И так он наконец обеднел, что остался у него всего только один кусок кожи на пару сапог. Выкроил под вечер он из этой кожи заготовки для сапог и подумал: «Лягу я спать, а утром встану пораньше и сошью сапоги».

Так он и сделал: лёг и уснул. А утром проснулся, умылся и хотел сесть за работу.

Только смотрит, а сапоги уже сшиты.

Очень удивился сапожник. Взял он сапоги и стал их внимательно рассматривать.

Как хорошо были они сработаны! Ни одного стежка не было неверного. Сразу было видно, что искусный мастер те сапоги шил. А скоро нашёлся и покупатель на сапоги. И так они ему понравились, что заплатил он за них большие деньги. Смог теперь сапожник купить себе кожи на две пары сапог. Скроил он вечером две пары и думает: «Лягу я сейчас спать, а утром встану пораньше и начну шить».

Встал он утром, умылся, смотрит — готовы обе пары сапог.

ЧЕЛОВЕЧКИ

Покупатели опять скоро нашлись. Очень им понравились сапоги. Заплатили они сапожнику большие деньги, и смог он купить себе кожи на целых четыре пары сапог.

На другое утро и эти четыре пары были готовы.

И так пошло с тех пор каждый день. Что скроит вечером сапожник, то к утру уже бывает сшито.

Кончилась у сапожника бедная да голодная жизнь.

Однажды вечером скроил он, как всегда, сапоги, но перед сном вдруг говорит своей жене:

— Слушай, жена, что если сегодня ночью не ложиться спать, а посмотреть, кто это нам сапоги шьёт?

Жена обрадовалась и сказала:

— Конечно, не будем ложиться, давай посмотрим.

Зажгла жена свечку на столе, потом спрятались они в углу под платьями и стали ждать.

И вот ровно в полночь пришли в комнату маленькие человечки. Сели они за сапожный стол, взяли своими маленькими пальчиками накроенную кожу и принялись шить.

Они так проворно и быстро тыкали шилом, тачали да постукивали молотками, что сапожник от изумления не мог отвести от них глаз. Они работали до тех пор, пока не сшили все сапоги. А когда последняя пара была готова, спрыгнули человечки со стола и сразу исчезли.

Утром жена сказала мужу:

— Маленькие человечки сделали нас богатыми. Надо и нам сделать для них что-нибудь хорошее. Приходят человечки к нам по ночам, одежды на них нет, и, наверно, им очень холодно. Знаешь, что я придумала: сошью-ка я каждому из них курточку, рубашечку и штанишки. А ты им сапожки смастери.

Выслушал её муж и говорит:

— Хорошо ты придумала. То-то они, верно, обрадуются!

И вот однажды вечером положили они свои подарки на стол вместо выкроенной кожи, а сами опять спрятались в углу и стали ждать маленьких человечков.

Ровно в полночь, как всегда, пришли в комнату маленькие человечки. Они прыгнули на стол и хотели сразу же приняться за работу. Только смотрят — на столе вместо скроенной кожи лежат красные рубашечки, костюмчики и стоят маленькие сапожки.

Сперва удивились маленькие человечки, а потом очень обрадовались. Быстро-быстро надели они свои красивые костюмчики и сапожки, затанцевали и запели:

*Хороши у нас наряды,
Значит, не о чем тужить!
Мы нарядам нашим рады
И сапог не будем шить!*

Долго пели, танцевали и прыгали маленькие человечки через стулья и скамейки. Потом они исчезли и больше уже не приходили шить сапоги. Но счастье и удача с тех пор не покидали сапожника во всю его долгую жизнь.

Сергей МИРОНОВ

Глава из книги

«Беличий глазок»

Рассказы известного политика Сергея Михайловича Миронова о детях послевоенного времени, играющих в «войнушку» на окраинах пережившего блокаду Ленинграда, о первых победах и мечтах. Рассказы для тех, кого воспитывают, и для тех, кто воспитывает.

Как я научился плавать

Художник В. Кривенко

Купаться мы ходили в Екатерининский парк. Шли по улице Огородной, катили перед собой надутые камеры, старались заполучить камеры от грузиков, громко галдели, радостно предвкушая купание в большом пруду парка. Заходили в калитку, в которую упиралась улица Огородная, и буквально через тридцать метров оказывались на небольшом мыске, в его правой части лежали шлюпки, на которых курсанты военно-морского училища имени Ленина, находящегося через дорогу от парка, отрабатывали навыки гребли. Шлюпки, кстати, всегда охранялись часовым под «грибком».

Мы располагались рядом на газончике, который обрывался прямо у пруда (к концу лета газончик мы хорошо вытаптывали, но на это внимания не обращали), скидывали одежду и, как сейчас бы сказали, в семейных

трусах сигали в воду. У берега было примерно по пояс, так можно было пройти по шее где-то метра три-четыре от берега, дальше становилось глубоко — нужно было плыть.

Большинство моих друзей, у меня было такое ощущение, плавали чуть ли не с рождения, и очень многие доплывали до Чесменки (посередине пруда стоит Чесменская колонна с орлом наверху, с рострами — носами кораблей по колонне, с большой площадкой на высоте примерно 4–5 метров, на которую можно было забраться по чуть наклонным стенам, выложенным гранитными плитами с глубокими прорезями, которые, собственно говоря, и являлись своеобразными ступенями).

Я с тоской и завистью смотрел на своих друзей, которые кто кролем или саженками, как мы называли, кто

брассом, а кто просто по-собачьи, кто-то быстро, а кто-то очень медленно, но доплывали до Чесменки. А я плавать не умел, поэтому изображал, что мне на Чесменку вовсе даже не хочется, плескался в камере, даже на ней боясь далеко отплывать от берега.

Так было и после первого класса, и после второго, и после третьего, одним словом — аж до шестого. И вот после шестого класса мама получила для меня от военного училища, в котором работала, путёвку в Карелию в Лахденпохский район, как сейчас помню, — почтовое отделение Хуонхомяки или что-то в этом духе. Ехать нужно было на поезде с Финляндского вокзала.

На площади перед вокзалом выстраивались будущие отряды пионерского лагеря. Как потом оказалось, лагерь решили разместить в военном городке Ленинградского военного округа, по моему, в тот сезон это был первый и последний лагерь в военном городке. Когда расселись в вагоне, оказалось, что из Пушкина, да, похоже, и из училища, ну уж тем более с нашей улицы и двора я был один. Начали знакомиться. Мальчишка я был бойкий, за словом в карман не лез, когда подъехали к тому самому Хуонхомяки, я уже был заводилой, или, как сейчас сказали бы, неформальным лидером.

Когда мы выгрузились и на автобусах нас привезли в военный городок, оказалось, что жить мы будем в двух- или трёхэтажной каменной казарме. Места кругом живописные. Военный городок находился на берегу огромного красивого озера.

Нас разбили наконец-то по отрядам, поселили в огромную комнату, где стояли в один ярус, наверное, коек сорок. Оказалось, что кроме тех, кто приехал из Ленинграда, в этом же лагере (в частности, в нашем отряде) есть несколько пацанов — детей военнослужащих именно этой воинской части, то есть местные.

Буквально чуть ли не на второй день местные говорят: «А что, ребя, айда купаться вместо “тихого часа” на озеро?!» Нарушать распорядок — это бы-

ло по мне, только при слове «купаться» сердечко-то у меня ёкнуло. Уже второй день я был непререкаемым авторитетом и, можно сказать, душой компании, и тут вдруг я почувствовал, что меня ждёт ужасное фиаско — все бросятся в озеро (какое оно там — глубокое, не глубокое — я не знал), а я покажу, как говорится, что не орёл, но отступить некуда.

С воодушевлением поддержал местных, и вместо «тихого часа», когда воспитатели ушли, мы тихонечко, причём по какой-то запасной лестнице, о которой знали только местные, спустились и бегом направились к озеру. Добежав до берега, а это был даже пляж с песочком, я увидел, что метров на сто от берега то там, то сям разбросаны камни — огромные валуны, которые торчат из воды. Иногда между ними было буквально 2–3 метра, иногда метров 10–15. Я решил, что эти камни мне здорово помогут. Сказать, что просто не умею плавать, я не мог. Если увидят, что я плохо плаваю, это ещё ничего: ну мало ли — все плавают как умеют. Вот они живут здесь на озере, конечно, у них больше возможностей научиться плавать, а где я в Пушкине? — только в Екатерининском парке, да и то далеко не каждый день.

Одним словом, решил: будь, что будет. Когда все бросились в воду, бросился и я. Оказалось, что глубина начинается почти сразу же. Как я оказался у первого камня, который был метрах в десяти от берега, помню смутно. Но в то же время понял, что не по дну шёл, а как-то барахтался, что-то делал руками и ногами. А мальчишки — кто-то залезал на камни, кто-то нырял, в общем, никто не обращал ни на меня, ни друг на друга внимания.

Набравшись духу, я оттолкнулся от камня, наметил ближайший, но дальше от берега камень метрах в 15-ти, и, как-то барахтаясь (видимо, на одном самолюбии), доплыл и до него. Дальше в этот раз я не рискнул. Таким же манером поплыл обратно к берегу. Барахтался я довольно долго и, когда вылез, увидел, что большинство уже были на

берегу, выжимали трусы, готовясь одеваться. Никто ничего не сказал. Все видели, что я сиганул в воду вместе со всеми, где-то там между камнями плавал.

К концу смены я прямо от берега мимо камней, не останавливаясь, доплывал до самого дальнего камня, до него было метров сто, и плыл гордо, теми самыми саженками или кролем (что-то я подглядел у мальчишек, чему-то на учился сам). Самое главное — я больше не боялся воды и понял, что умею плавать.

Смена, кстати, была очень весёлая. Недалеко в скалах мы обнаружили огромные штольни. До войны и во время войны — это была финская территория. Судя по всему, тут были ещё и немцы, потому что мы видели внутри на электрощитках свастику с орлом. Местные говорили, что здесь находился подземный военный завод. Всю смену мы бегали тайком от пионервожатых либо купаться, либо изучать эти ката-

комбы. Как я уже сказал, было здорово, весело.

И вот возвращаюсь я в родной Пушкин. Лето ещё в разгаре, я жду, когда «народ» предложит пойти искупнуться. «Народ» себя долго ждать не заставил, и буквально в первый же день мы шумной ватагой катили наши камеры по улице Огородной. Дойдя до «матросиков», как мы называли место, где купались, сбросили одежду, я первый ринулся в воду, решил даже, что, может быть, я побыстрее некоторых доплыву до Чесменки. Быстрее всех не получилось — доплыл третьим. Жаль, никто со стороны меня не видел — с каким гордым видом впервые в жизни я забирался по этим гранитным плитам на верхнюю площадку. А там я встал и, собственно говоря, выглядел ничуть не хуже, чем Чесменская колонна с орлом наверху, потому что весь светился от счастья.

Кстати, из моих пацанов никто ничего не заметил и не сказал, хотя я думал, что они удивятся, что я научился плавать. И только когда мы вернулись на площадку и разделились на две команды, чтобы погонять мяч, кто-то из моих друзей сказал: «Слушай, Серёга, а ты же вроде плавать не умел?» — «Когда это не умел?!» — гордо удивился я, подводя черту под одним из самых грустных для любого мальчишки неумением.

Дорогие читатели! Мы уже знакомили вас с творчеством воспитанников Московской Центральной Художественной школы при Российской академии художеств. Сегодня ребята пишут басни. Учитель словесности А. Ю. Андреева.

Шмарина Мария, 6 А класс

Жадная Лиса

Лиса сторонкой еле шла,
Оврагом тихо пробиралась,
Плешива, исхудала, зла,
От голода почти шаталась.

Услышала вдали у речки гогот,
То гуси дружно тешились в воде.
И замерла Лиса: «О, их так много!
Гусями бы полакомиться мне».

И поползла плутовка ближе, ближе...
Гусята, гуси и гусыни — они вот!
Дрожит. И слюнки лижет от нервишек.
Свело от возбуждения живот.

«Ах, кто же мой? На ком остановиться? —
Глаза ворочает. — Кого же мне хватать?
Всех слопаю! Жирней какая птица?»
Кидалась и хватала всех подряд,

Объект не выбрав, не поставив цели.
Всё в брызгах, в перьях. И в водоворот —
Пустое клацанье зубов. Шипели —
И врассыпную гуси. Не везёт!

На шум спешат собаки и народ.
Прогнали хищницу. И гуси рады.
Лиса сбежала злая: пуст живот,
И хоть кусай свой хвост с досады.

Вот жадности плоды!
Желая съесть всё сразу,
Осталась ты ни с чем.
Лечи диетой разум!

Ворсобина Юлия, 6 А класс

Павлин и Ворон

Павлин, своим хвостом любуясь,
Светясь от гордости, гулял.
Тем временем за ним, нахмурясь,
С издёвкой Ворон наблюдал.

И, приземлившись за Павлином,
Взъерошив перья, стал гулять.
Собралась живность пред красивым
Тот хвост павлиний созерцать.
А Ворон злобился, всех злил,
Лисицам, зайцам и волкам
Он быстро-быстро говорил
(От зависти поверил сам),
Что хвост ужасен, некрасив,
Плешив и слишком уж велик.
Услышав критику такую,
Павлин и глазом не моргнул
И отповедь свою простую
Спокойно Ворону излил:
«Такое если говоришь ты,
Не понимая красоты,
Себе лишь только навредишь ты.
Ложь лишь прибавит срамоты».

Мораль сей басни такова:
От зависти не жди добра!

Борискина Ярослава, 6 А класс

Первопроходцы

Как окрыленные Боги свободы,
С Крита сбежали над синей водой
Сын и отец, позабыв про невзгоды
И наслаждаясь надменно красотой.

И дерзновенно Дедала творенье
Чудом парило в густых облаках!
Но человеческое восхищенье
Вызвало ярость слепую в Богах.

Солнце горело сильнее, свирепело.
Стал роковым тот полёт на века,
Мальчик Икар правил крыльями смело,
Солнца манящего власть велика.

Все наставленья забыты Икаром.
Солнце, к тебе руки-крылья простёр!
Но не пройдёт начинание даром:
Первопроходец до глупости скор.

Чувства смешались на пиковом взлёте.
Буйство стихийное ветра и вод.
Вскоре, мой мальчик, с отцом вы вдохнёте
Горя и радости — невпроворот.

Воск растопился — рассыпались перья
В тот мимолётный прилив умиленья.
Не осознав роковую интригу,
Мальчик разбился о скальную глыбу.

НАШ ВЕРНИСАЖ

РАБОТЫ ДЕТСКОГО АЛЬМАНАХА МЦХШ ПРИ РАХ

Честнова Варвара, 5 А класс

Рожкова Ксения, 9 А класс

Селиванова Антонина, 7 Б класс

Ильина Зоя, 10 А класс

Матякубова Мирра, 5 А класс

Шмарина Мария, 6 А класс

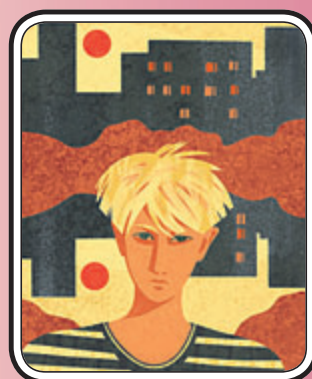

Ашипки

Ходил заяц по лесу, искал грибы—ягоды для своих зайчат, но как назло, ничего ему не попадалось, ни грибов, ни ягод.

В. Сутеев. Сказка «Яблоко»

РАССКАЗЫ:
 Дружба сквозь бинокль

ИМЕНА:
 Как я научился плавать

БУХТИНЫ:
 Музыкальные ребята